

Юган Н. Л.,

*доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры мировой литературы и русского языкознания
Луганского национального университета имени Тараса Шевченко*

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПЬЕСЕ В. И. ДАЛЯ «НОЧЬ НА РАСПУТЬЕ»

Аннотация. В статье рассматривается художественная картина мира, воплощённая в пьесе В. И. Даля «Ночь на распустье». Она имеет фольклорно-мифологическую обусловленность, что и предопределяет специфику времени, пространства, системы образов и авторской позиции.

Ключевые слова: художественная картина мира, национальная картина мира, миф, время, пространство, персонаж, авторская позиция.

Постановка проблемы. Пьесы не характерны для творчества В. И. Даля. Тем более интересен единственный увидевший свет драматургический опыт писателя. В 1839 г. в последней, четвёртой книге «Былей и небылиц» появилась пьеса «Ночь на распустье, или Утро вечера мудренее» [1].

Поэтика данного произведения не была предметом целостного литературоведческого исследования. В нашей статье раскрыта суть жанрово-стилевого новаторства В. И. Даля в пьесе-сказке «Ночь на распустье», обозначены роль и место произведения в историко-литературном процессе и творческой эволюции писателя [2]. Особенности фантастики и художественной картины мира никогда не были предметом специального научного рассмотрения.

Цель статьи – анализ специфики воплощения художественной картины мира в пьесе В. И. Даля «Ночь на распустье».

Изложение основного материала. Сюжет произведения прост и занимателен. В его основе лежит хорошо продуманная автором интрига. Дочь русского князя Вышеслава Зорю коварно похищает юродивый Тумак, которого затем обманывает его дальний родственник, злой дух природы Леший. Для спасения девушки добрый языческий герой Домовой при помощи княжьего племянника и нахлебника Весны крадёт одну из Русалок Водяного. После обмена героинь в семье русского князя и природе восстанавливается нарушенная гармония.

Сюжет пьесы «Ночь на распустье» об извечной борьбе добра и зла в мире человека и природы удивительно тонко передаёт национальное народное мироощущение. В произведении В. И. Даля два плана – условно-реалистический и фантастический. «Ночь на распустье» не содержит конфликтных ситуаций между поколениями. Зоря покорна своему отцу, который сам выбирает достойнейшего. Да и женихи настроены миролюбиво по отношению друг к другу. Конфликт здесь строится на столкновении условно-реального мира, где люди живут в любви и доброте, с миром фантастическим, в котором господствуют тёмные, жестокие силы, враждебные человеку. Мир природы в

поэтической сказке «Ночь на распустье» играет большую роль. У белого камня, в лесу, на озере происходят все основные события. Герои за пределами человеческих владений оказываются во власти волшебных сил, и здесь, за белым камнем, против них могут активно действовать хитрый Леший, злобный Тумак, рассерженный Водяной, своенравные, безжалостные русалки. В далевском произведении природа враждебна человеку. Демоны леса, воды, грозы подстерегают героев, и человек сам, без вмешательства добрых сил, не в состоянии справиться с ними.

Рассказ о противостоянии добрых и злых начал природы у В. И. Даля мифологизирован. В произведении последовательно воспроизведены универсальные элементы (функции) сюжетной схемы архаичной волшебной сказки [3, с. 164]. Имена главных героев Зоря, Весна, Домовой (Дедушко), Леший, Русалка, Оборотень, Водяной являются знаковыми для национальной мифологии.

Основные свойства и качества духов природы восходят к русским быличкам, которые отражают древнейшие религиозные верования восточных славян. Собственно и разделение «сфер влияния» между героями соответствует языческим представлениям. Домовой правит в княжеских владениях, Леший – в чаще леса, Водяной и Русалки – в водоёмах и около них [4, с. 168]. Они ограничены в возможности свободного перемещения в пространстве, теряют чудесную силу, покидая свою среду обитания.

Домовой «боронит» семью князя «от всякой напасти», ухаживает за лошадьми. Если кто-то не угоден духу, то он увидит утром своего коня «в мыле» [5, IV, с. 24-25]. Дедушко так говорит о себе: «<...> Кто обидит меня – жеребца любимого в подворотню протащу – // Загоню на смерть в одну ноченьку трёх борзых коней; // Обтрясу в саду груши-яблони, гряды вымну все; // А то ложки и плошки с поставца в лохань кину помойную <...>, // А кто мирно со мной по добру живет, во любви держу; // Кони выхолены, двory выметены, ужожи прибраны <...>» [5, IV, с. 40]. Отмеченные качества героя восходят к народной традиции [4, с. 174-175].

Заботливый хозяин, он в то же время является большим проказником. Домовой бранит лежебоку Весну, стаскивает всю мебель его комнаты в одну кучу, а затем душит героя. Как и в народных поверьях, Весна, проснувшись, спрашивает в страхе: «К добру, аль к худу?» [5, IV, с. 57-59; 4, с. 174]. К быличкам восходит и умение Домового принимать самый различный облик: в пьесе он называется конюхом Анисимом Икотою [5, IV, с. 59; 4, с. 173].

Полная противоположность домашнему духу в сказке – Леший. Лаколичную, но меткую характеристику своему

даде даєт Тумак: «Леший не любит никого» [5, IV, с. 27]. Герой легко изменяет свой рост, он становится «вровень с деревьями» [5, IV, с. 28]. Леший издает разнообразные звуки, подражая крику животных, «аукает и хохочет» [5, IV, с. 38]: «Завываю иволгой призывною, // Рассыпаюсь разгульным хохотом, // То косячим жеребцом заржу, // Распотешусь молодецким посвистом» [5, IV, с. 30-31]. Аналогично представлены внешность и свойства этого духа в быличках [4, с. 167-168]. Из народных преданий В. И. Даль взял ещё одно качество для своего мифологического персонажа: он «водит» по лесу отца Зори и её женихов [5, IV, с. 41-44, 51; 4, с. 168]. Прodelки Лешего легко распознают в тексте Домовой, Русалка, старый ратник [5, IV, с. 44, 46, 51].

Колоритный обитатель фантастического мира далевской сказки – Водяной. Герой живёт среди русалок и является их «большаком». Внешний облик и повадки Водяного восходят к народным поверьям: он «нырял на поморье по водяного коня», «кричит выпью, водяным быком», постоянный его атрибут – весло [5, IV, с. 66-67, 89].

Близки к народным верованиям созданные в тексте образы русалок. Молодые девушки с распущенными до пят косами плавают в озере, выходят на берег и водят там хороводы, резвятся, поют, хохочут, вьют венки из цветов [5, IV, с. 31-36, 49, 51-53, 64]. Каждая из них имеет камышовый гребень, которым расчёсывает свои мокрые волосы. Если волосы русалки обсохнут, она заснёт. Это поверье легло в основу сцены похищения Русалки Весной [5, IV, с. 49, 72, 75, 77-80; 4, с. 172]. Как и в суверных рассказах, героини пьесы завлекают прохожих и щекочут их для потехи. В сказке их жертвами становятся Тумак и князь Удача [5, IV, с. 32-35; 4, с. 173].

Оборотень по народным представлениям является недобрым духом. Его главная особенность состоит в умении перевоплощаться, «перекидываться». В пьесе В. И. Даля Оборотень то «вскрикивает петухом и пробегает зайцем», то «свищет и летит полетухой» [5, IV, с. 37, 65-66, 87]. О себе он говорит: «Мы и тут, и там, ныне рыбой, а завтра птицей» [5, IV, с. 88]. В тексте у персонажа мало слов, но его поведение, предвещающее беду или предостерегающее от опасности, понятно всем – и людям, и природным существам [5, IV, с. 37, 65, 87-89].

Соотносятся с мифологией имена и характеры некоторых героев-людей. Так, невеста Зоря молода, красива, по-девичьи робка и застенчива, как небесная зоря, которая предвещает восход сильного и могущественного огненного бога Солнца. Домовой, называя дочь князя «сестренницей Зори-зорюшки утренней» [5, IV, с. 44], намекает на восточнославянский миф о вечно юных и прекрасных небесных девах [6, I, с. 43-45]. Имя Весны, выполняющего при дворе князя роль шута, также глубоко символично. Он так же весел и беззаботен, как люди, дождавшиеся весеннего пробуждения природы. Ещё Весна напоминает легкомысленного славянского божка любви Леля. Он думает только о девичьих хороводах, не собираясь жениться на своих многочисленных подружках.

Как нам уже приходилось указывать, мифические аналогии, заложенные в именах героев, образуют в «Ночи на распутье» своеобразный сюжет. Зорю похищает Леший, который является в славянской мифологии облачным ду-

хом [6, II, с. 168]. Облака, покрывшие небо, препятствуют восхождению солнца. Огненному богу помогает его «родственник» – Домовой, являющийся стихийным богом огня в домашнем очаге [6, II, с. 38]. В свою очередь Домовой, стараясь выручить Зорю, обращается за помощью к Весне. Такое обращение имеет свой смысл в мифологии. В народных представлениях весна и зоря постоянно сближаются, а мифы, повествующие об этих, различающихся по своей сути, природных явлениях, отождествляются и смешиваются [6, I, с. 56, 58; III, с. 331]. Исчезновение одной из сестёр Солнца, сопровождающей его при выходе на небо, грозит вселенской катастрофой. В тексте просматривается схема простейшего солярного мифа, характерная и для славянской мифологии. Конечно, в своей сказке писатель далёк от идеи реконструкции какого-то определённого мифа [3, с. 45-46].

Мифологическое начало в пьесе имеет индивидуальное-личностное преломление: вопрос о судьбе человечества сужается до вопроса о счастье отдельного человека. Обобщённо-символический план повествования, связанный с мифологическими параллелями, наполняется конкретным жизненным содержанием. Перед нами не образы-аллегии, а люди со своими характерами, которые способны на глубокие и сильные чувства и переживания. Да и близкие к народным верованиям мифические персонажи в далевской пьесе имеют некоторые индивидуальные черты.

Например, Леший у В. И. Даля – злобный и своенравный природный дух, он грубо разговаривает с Домовым и Водяным, обзывает Тумака и обманывает его. Но он по-своему несчастен. Герой давно и безнадежно влюблён в Зорю, безрезультатно пытается добиться её расположения и уговорами, и угрозами. Он обречён на одиночество. Робкий Водяной самоотверженно борется за Русалку, в споре не уступает подлому и коварному Лешему. Бескомпромиссность в борьбе приводит его к победе, после чего Водяной снова становится тихим и смиренным, старается оправдаться перед Лешим. Русалки вместе с характерными именами (Зыбуша, Волнуша, Порезвуша и др.) наделяются способностью чувствовать и сострадать. Они тоскуют в одиночестве без женихов, ухаживают за пастушком-сиротой и оберегают его. Эти демонологические персонажи в пьесе В. И. Даля возвышены и опозитивированы.

Действующие в произведении мифические герои являются порождением древнего национального русского быта. Тайное, неизведанное, принадлежащее миру могущественной природы, соседствует здесь с бытовой реальностью. Силы и факторы, таинственные сами по себе, вместе с тем поданы отражёнными через восприятие человека. Русские герои знают о существовании потусторонней реальности и о её законах, но не вступают в противодействие, предпочитая мирное сосуществование. Князь Вышеслав угождает доброму домашнему духу Домовому и задабривает его. Злых природных существ Лешего, Водяного, Оборотня люди, населяющие русское княжество, стараются избегать. Мифологические персонажи также не преступают установленных границ. Нарушение строго регламентированных, закреплённых народным мировоззрением в мифах и отдельных фольклорных жанрах отношений человека и природы приводит к конфликтам и разрушению гармонии между миром человека и природы.

Олицетворённые в ярких и колоритных образах силы природы вмешиваются в человеческие взаимоотношения, пытаются оказать влияние на судьбы людей.

При этом люди и мифические существа удивительно похожи друг на друга. Так, Тумак и Леший оба озлоблены, никем не любимы, коварны. Они влюблены в Зору, мечтают о ней и не гнушаются никакими средствами для осуществления своих тайных намерений. Злым персонажам противопоставлены добрые представители природного и человеческого миров – выручающие девушку Домовой и Весна. Первый – озорник, который любит пошутить над людьми, но в то же время преданный им друг, покровитель, защитник. Другой – шут, лентяй, повеса, несколько наивный и простодушный, но искренний в своих чувствах и добрый сердцем. Шесть женихов (4 заморских гостя, Тумак и Леший) добиваются руки Зори, и шесть русалок страстно желают заполучить князя Удачу. Совпадают и мотивы поведения героев – любовная тоска, одиночество. Причём между русалками царит такое же согласие и взаимопонимание, как и между приезжими претендентами на руку княжны. В тексте соотнесены ещё две пары: Русалка и Зоря, князь Вышеслав и Водяной. Каждая из девушек принадлежит к своему миру и оказывается похищенной женихом чуждой ей действительности. Правитель русского княжества и повелитель водной стихии стремятся освободить своих родных и любимых девушек.

Действия и поступки героев-людей и персонажей языческих существ представляют собой зеркальное отражение. Человеческие чувства и принципы взаимоотношений имеют своё естественное продолжение в природной среде. Не столько волшебством достигают своих целей герои русских быличек (кроме заговоров, они, впрочем, ничем другим и не пользуются), сколько хитростью, ловкостью, находчивостью, обманом. Ценными же качествами в борьбе со злом оказываются верность, преданность, взаимовыручка. Любовь и дружба побеждают, а коварство и злоба наказываются. При всех своих различиях общество людей и мир природных существ живут по единым морально-этическим законам. Человек является органичной частью природы и не может быть изъят из неё, а мифологические персонажи не могут существовать без людей и обойтись без их помощи. Происходит взаимопроникновение двух миров – реальности и ирреальности, сна и яви, – что рождает в тексте удивительную фантазмагорию.

В пьесе «Ночь на распутье» В. И. Даль выразил свою оригинальную точку зрения на принципы взаимодействия природы и человека, которая, безусловно, основана на национальных фольклорно-мифологических представлениях о мироустройстве. Превращение мифических фигур, взятых из народных быличек, в персонажей пьесы способствовало некоторой индивидуализации характеров. Но при этом фантастические герои далевской пьесы остаются хорошо знакомыми с детства каждому русскому человеку природными духами, существование которых в крестьянской среде XIX в. не подвергалось сомнению. Народные суеверные рассказы выполняют в тексте не только характерологическую функцию. Под их воздействием традиционная сказочная схема с её глубинной мифологической основой трансформируется, наполняясь новым содержанием. Изменения касаются практически всех уровней художественной структуры.

Перед нами в пьесе предстаёт уже не сказочный условный царь из «тридесатого государства», а удельный русский князь Вышеслав, имя которого ассоциируется с исторической личностью – сыном князя Владимира Святославича [1, с. 202, 207-208, 250]. Титулы женихов указывают на место их правления, которое определяется в координатах не сказочной, а реальной географии – князь Карпатский, княжич Болгарский, царевич Армянский, король Мурманский. Заметим, что прозвище князя Карпатского – Удача, невольно воскрешает в памяти былинного богатыря Михайло Казарянина из Галичья: Удачей его называл князь Киевский [7, с. 225].

В произведении легко обнаруживаются бытовые реалии времён Киевской Руси. Удельного князя окружают придворные – бояре, окольничий, кравчий [8, IV, с. 475; I, с. 651; II, с. 665, 183]. В своём рассказе торговый гость упоминает, что «заморские» товары в Царьграде выменивал на «куниц-соболей» [1, с. 205]. Предложенные им для продажи «паволока», «аксамит», «багрянец», «камка» являются давно устаревшими и вышедшими из употребления русскими наименованиями тканей [1, с. 204-205; 8, I, с. 8, 36; II, с. 82; III, с. 6]. Рудигар одет как средневековый рыцарь в «латы» и «шишак», а сокровища Мурманского включают в себя «бердыши харалужные», «шеломы златочеканные», «струги мореходные» [1, с. 210; 124, I, с. 82, 335; IV, с. 340, 542, 627]. С помощью этих деталей в далевском произведении воссоздан старорусский колорит.

Люди, живущие в изображённой в «Ночи на распутье» условно-исторической действительности, не похожи на традиционных героев народной сказки. Они слабы и беззащитны перед силами природы, не могут противостоять действиям мифологических существ. Потому их участие в сюжете, по сравнению со сказочным волшебным повествованием, ограничено.

Домовой усыпляет князя и женихов «до утра», которое «вечера мудренее». Традиционная временная сказочная формула [9, с. 225; 24, с. 162] в речи «чудесного помощника», а затем и князя Вышеслава служит моральным выводом, утверждающим победу добра над злом [1, с. 248, 250]. Аналогично в фольклоре «волшебный помощник» укладывает спать неспособного выполнить трудную задачу, отчаявшегося героя, а затем сам решает его проблемы.

Персонажи так оценивают все произошедшие с ними удивительные события: «<...> сон не сон и быть не быть», «<...> замучил меня страшный и престрашный сон! <...> где проснулась, пробудилась, и сам ты видал» [1, с. 249]. Все чудеса воспринимаются героями как сон, а во сне, как известно, может быть всё, что угодно. Сон в произведении – возможность объяснения фантастики для обычных людей. Функция сна, по сравнению с фольклорной сказкой, у В. И. Даля значительно расширяется.

Далевские герои совершенно иначе реагируют на типичные для сказки и её персонажей чудеса: «КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВ: <...> Что, князь, дела предивные? РУДИГАР: В нашей северной земле, князь, сказывают, дела такие бывали. БРАКОВИТ: Я о сю пору ещё не опамятуюсь! ХОЧАТУР: А у нас и во сне этого не творится!» [1, с. 250]. Удивление, недоумение – типичная реакция человека, соприкоснувшегося с неизведанным.

Отличается от народной сказки и организация в пьесе времени и пространства. Событийное время здесь чётко

очерчено: от пира у князя Вышеслава в полдень до рассвета следующего дня. Как и в волшебной сказке, оно движется в одном направлении, не возвращаясь назад [10, с. 241], однако по-разному ощущается в разных мирах – человеческом обществе и природной среде.

Люди в тексте часто говорят о времени, констатируют наступление того или иного временного отрезка, строят планы на будущее. Например, в конце пира князь Вышеслав объявляет гостям о предстоящей утром охоте и о вечерней прогулке «в луга», об этом он говорит позже и Зоре [1, с. 204, 207]. Тумак в разговоре с Лешим указывает на ограниченность времени и в связи с этим настаивает на необходимости быстро принимать решение [1, с. 213]. Временные ориентиры в речи героев усиливают динамизм повествования. Время идёт само по себе и неподвластно человеку, и вместе с тем герои ощущают его быстрое течение.

Иначе в фантастическом мире. Действие в основном происходит ночью. Причём ночь в далевской пьесе – не просто время суток, которое сменяет вечер и предшествует утру, это период, когда злые силы вступают в свои права. Здесь теряется представление об объективности времени. Оно подвластно волшебным героям. Колыбельная песенка Домового, обрамляющая повествование о чудесных событиях в сказочном лесу, по сути, вводит в произведение новое временное измерение, а затем отменяет его. В пределах этого собственно сказочного пространства нет никаких упоминаний о времени, здесь невозможно обозначить какие-то временные промежутки. Трудно понять, обычное ли это время суток или мрак безвременья. Время в мире природы неопределённо, зыбко. Создаётся впечатление, что зarya не наступит, пока героиня не будет освобождена. Такое представление о времени, как нельзя лучше, способствует созданию атмосферы загадочного, тайного, страшного, неизведанного.

Столкновение обычного русского человека с природными духами у В. И. Даля – повествование не о заведомо вымышленных, сказочных событиях, а о необъяснимых, непостижимых, странных и даже страшных явлениях реальной действительности. В пьесе, по сравнению с фольклорной сказкой, изменена установка на восприятие рассказанного. Не игра фантазии, а серьёзное и правдивое изложение событий, которое преподносится слушателям и читателям как непреложный факт, но давно произошедший. В соответствии с этим в тексте воссоздана реакция героев на мистику – удивление и страх. Далевская пьеса в жанровом отношении не является строго народной волшебной сказкой. Это, скорее, «сказка-быличка» или «старая бывальщина», как в соответствии с представлениями фольклористики начала XIX в. точно определил жанровую специфику произведения сам автор. Но с таким определением можно согласиться с одной существенной оговоркой. Пьеса не знает страшного, трагического финала былички, здесь сохранён оптимизм народной сказки и её жизнеутверждающая идея: высоко нравственным, смелым и умным людям покровительствуют добрые духи, а зло в конце произведения наказывается.

Выводы. В далевской пьесе появляется устойчивая тенденция сближения незыблемой древнейшей структуры народной сказки (берущей своё начало в мифах) и поэтики былички. Подобное жанровое взаимодействие прояв-

ляется в идейно-художественной специфике текста, в том числе находит отражение в его сюжете и композиции, влияет на пространственно-временную организацию повествования, характеристику героев, принципы их взаимоотношений и др. Данный оригинальный авторский подход обусловил не только особенности фантастики «Ночи на распутье», но и воссоздание в тексте национальной картины мира.

В далевской «Ночи на распутье» наиболее полно в творчестве писателя проявилась связь литературного и мифологического видения мира. «Мифологическое отождествление» (термин А. Гульги) в пьесе заключается в отсутствии деления на мир видимый, осязаемый и подчинённый понятным для человека законам и на мир невидимых потусторонних сил. У человека, который находится в непосредственной связи с землёй, сохраняется ощущение сопричастности к окружающей его жизни природы. Он стремится различать естественное и сверхъестественное. Точнее, у него отсутствует само по себе понятие о сверхъестественном. Всё, что он наблюдает и переживает, каким бы оно ни казалось удивительным, воспринимается как само собой разумеющееся, поскольку и люди, и духи природы находятся в одной плоскости, являются составляющими одной и той же действительности. Связь между человеком и результатами его труда лежит в основе одухотворения, а тем самым и мифологизации даже мира вещей, окружающих его. Ещё одной особенностью воссозданной в «Ночи на распутье» мифологической картины мира является представление о циклическом характере времени, а также о неоднородности пространства, состоящего из множества различных локусов. В результате создаётся впечатление возможности «сжатия» или же, напротив, «растягивания» времени в отдельных локусах, перемещения между ними «вне времени». Возникает сюжет о пребывании в «ином» мире. Постигая и осмысливая пространство, мифологически мыслящий герой пьесы оперирует бинарными оппозициями: «своё – чужое», «дом – лес», «центр – периферия», «сакральное – демоническое». Исходным является противопоставление космоса хаосу. Поэтому к оценке составляющих эти бинарные оппозиции человек подходит с точки зрения опасности или безопасности пространства для коллектива. Локусы отделены один от другого границами, преодоление которых превращается в переход в сферу действия «чужого». Представленный в пьесе В. И. Даля мифологический тип мироощущения указывает на то, что речь идёт об изображении патриархальной среды, в которой нарушение принятых в коллективе предписаний и запретов недопустимо. Таким образом, художественная картина мира «Ночи на распутье», пространство – время – герой, имеет фольклорно-мифологическую обусловленность.

Перспективой работы в данном направлении является исследование специфики художественной картины мира в творчестве В. И. Даля в целом.

Литература:

1. Даль В. И. Ночь на распутье, или Утро вечера мудренее / В. И. Даль // Юган Н. Л. Художественная специфика цикла В. И. Даля «Были и небылицы»: [монография]. – Луганск: Альма-матер, 2006. – С. 201-250.
2. Юган Н. Л. Жанрово-стилевое новаторство пьесы В. И. Даля «Ночь на распутье» / Н. Л. Юган // Вісник Луганського нап.

- пед. університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. – Луганськ, 2004. – № 7 (75). – С. 161-169.
3. Юган Н. Л. Художественная специфика цикла В. И. Даля «Были и небылицы»: [монография] / Н. Л. Юган. – Луганск: Альма-матер, 2006. – 263 с.
 4. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / Сост. С. Айвазян, О. Якимовой // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М., 1975. – С. 162-182.
 5. Даль В. И. Были и небылицы Казака Владимира Луганского: в 4 кн. / В. И. Даль. – СПб., 1833–1839.
 6. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Яз. слав. древн., 1995.
 7. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / АН СССР; изд. подг. А. П. Евгеньевой, Б. Н. Путиловым. – М. : Наука, 1977. – 488 с.
 8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1998.
 9. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – М. : Наука, 1979. – 360 с.
 10. Бессараб М. Я. Владимир Даль / М. Я. Бессараб. – М. : Современ., 1972. – 288 с.

Юган Н. Л. Специфіка втілення художньої картини світу у п'єсі В. І. Даля «Ночь на распустье»

Анотація. У статті розглянуто художню картину світу, яку втілено в п'єсу В. І. Даля «Ночь на распустье». Вона фольклорно та міфологічно обумовлена, що впливає на специфіку часу, простору, систему персонажів та авторську позицію.

Ключові слова: художня картина світу, національна картина світу, міф, час, простір, персонаж, авторська позиція.

Yugan N. Specificity incarnation artistic picture of the world in the play V. I. Dahl «Night at the Crossroads»

Summary. The article considers the artistic world epitomized V. I. Dahl in the play «Night at the Crossroads». It has a folk-mythological conditioning that determines the specificity of time, space, system images, and the author's position.

Key words: artistic world, national picture of the world, myth, time, space, character, author's position.